

ISSN 2079-9160

Российская ТЮРКОЛОГИЯ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

РОССИЙСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ

№ 3–4(28–29)

МОСКВА
2020

Российская ТЮРКОЛОГИЯ

Учредители

Институт языкознания РАН
Российский комитет тюркологов при ОИФН РАН

Редакционный совет

К. Абдулла (Азербайджан), Ш.Х. Акалин (Турция), Х.Ч. Алишина (Тюмень), М.В. Бавуу-Сюрюн (Кызыл), И. Вашари (Венгрия), Н.Х. Гаджихамедов (Махачкала), Т.М. Гарипов (Уфа), Н.И. Егоров (Чебоксары), М.З. Закиев (Казань), Ю.Н. Исаев (Чебоксары), М.С. Качалин (Турция), А.Б. Куделин (Москва), И.В. Кульганек (Санкт-Петербург), А.М. Молдован (Москва), К.М. Мусаев (Москва), А. Рона-Таш (Венгрия), Ж.С. Сыздыкова (Москва), М.З. Улаков (Нальчик), Ф.С. Хахимзянов (Казань), Ф.Г. Хисамитдинова (Уфа), П. Циме (Германия), А.А. Чеченов (Москва), Н.Н. Широкова (Новосибирск), М. Эрдал (Израиль), Ю. Янхунен (Финляндия)

Редакционная коллегия

Главный редактор: И.В. Кормушин (Москва)
Зам. главного редактора: Е.А. Оганова (Москва), Н.Н. Телицин (Санкт-Петербург)
Научный редактор: З.Н. Экба (Москва)
Ответственный секретарь: О.Н. Пустогачева (Москва)

Члены редколлегии: А.А. Акматалиев (Бишкек), Т.А. Анিকেева (Москва), Л.Л. Габышева (Якутск), А.В. Дыбо (Москва), Ф.Н. Дьячковский (Якутск), Л.С. Кара-оол (Кызыл), Б.Т. Койчугев (Бишкек), А.В. Кузнецов (Чебоксары), И.Л. Кызласов (Москва), К.М. Миннуллин (Казань), О.А. Мудрак (Москва), М.Х. Надергулов (Уфа), И.А. Невская (Франкфурт), Ф.Ш. Нуриева (Казань), М. Ольмез (Стамбул), Ю.В. Псянчин (Уфа), М.М. Репенкова (Москва), В.Г. Родионов (Чебоксары), С.Б. Сарбашева (Горно-Алтайск), А.В. Савельев (Москва), Л.С. Селендили (Симферополь), К.-М.А. Симчит (Кызыл), В.Н. Тугужекова (Абакан), Л.Н. Тыбыкова (Горно-Алтайск), Д.А. Функ (Москва), Т.М. Хаджиева (Москва), М.Д. Чертыкова (Абакан), И.В. Шенцова (Новокузнецк)

«Российская тюркология» является продолжением журнала «Советская тюркология», выходявшего в 1970–1990 гг. в качестве научно-теоретического органа двух академий – Академии наук СССР и Академии наук Азербайджанской ССР.

После 1991 г. в Азербайджане издается журнал «Türkologiya».

Журнал «Российская тюркология» издается с 2009 г.

© Институт языкознания РАН, 2020
© Российский комитет тюркологов, 2020

К ПОЗНАНИЮ НЕРАСШИФРОВАННОГО ПИСЬМА¹

И.Л. Кызласов

г. Москва

*Памяти Ербулата Акижановича Смагулова (1952–2019),
большого ученого, человека светлой души и крепкого духа*

Резюме: Среди руноподобных надписей Азии есть три до сих пор не расшифрованные письменные системы, продолжающие интересовать тюркологов: одна представлена древними письменами на чаше из кургана Иссык (Казахстан), другая – шестью средневековыми надписями ачикташского алфавита в городах Средней Сырдарьи (Казахстан) и на близлежащих землях Узбекистана и Кыргызстана, третья – родственным им по облику знаков южноенисейским письмом Южной Сибири и Монголии. Возможности изучения нерасшифрованного письма в многоалфавитном пространстве возникают в свете социоскрипторики, разработанной В.В. Вертоградской. Время существования, общественный статус и религиозная принадлежность таких нечитаемых письменных систем Средневековья устанавливается, прежде всего, благодаря учету мест нанесения выполненных ими надписей и их соседства с читаемыми написаниями.

Ключевые слова: нерасшифрованные письменности, иссыкская письменность, ачикташская письменность, южноенисейская письменность, мировые религии.

Недешифрованные надписи Казахстана и Средней Азии

Иссыкское письмо. Пятьдесят лет назад, в 1969 г., Кималь Акишевич Акишев начал и через год закончил раскопки кургана Иссык. Как хорошо известно, они привели не только к знаменитым находкам редкостного по художественному совершенству обрядового убранства Золотого человека, но и к обнаружению в погребении IV–III вв. до н. э. таинственного письменного памятника – граффити на серебряной чаше [Акишев 1971].

Прочтение двух свободно размещенных на фиале резных строк поныне загадочно. Лучшая публикация надписи [Акишев 1978: 54, 55, фото 70] показывает, что в прорисовку исследователями нередко включаются царапины, не относящиеся к письменным знакам. Помимо того, сравнительное палеографическое изучение убеждает, что иссыкские знаки не имеют системного сходства с пись-

¹ Работа выполнена в рамках Государственного задания АААА-А18-118011790092-5 «Археологические и антропологические источники и верификация гипотез: методические аспекты фундаментального знания и полевых исследований».

менами, известными как тюркские руноподобные алфавиты (рис. 1). Накопленный тюркологией опыт свидетельствует: *основывать прочтение любой отдельно взятой надписи на поверхностном сходстве единичных элементов ее букв с орхонскими или енисейскими рунами ошибочно.*

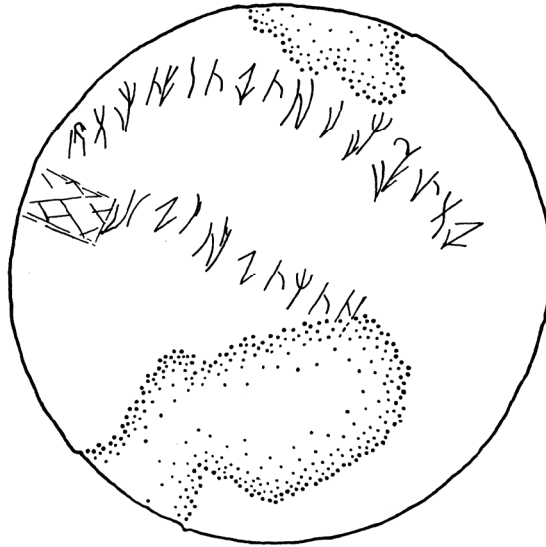

Рис. 1 – Надпись на чаше. Курган Иссык. По К.А. Акишеву.

Безнадежность подбора внешних аналогий для прочтения неизвестных письменных знаков доказана долгим и бесплодным периодом дешифровки самих енисейских рунических надписей, длившимся более 170 лет – с 1721 по 1893 гг. Лишь когда В. Томсен и В.В. Радлов занялись постижением *внутренних особенностей* азиатских рунических текстов, было понято звуковое назначение их знаков.

Согласно приведенному Кималем Акишевичем коллективному мнению ленинградских востоковедов И.М. Дьяконова, В.А. Лившица и С.Г. Кляшторного [Акишев 1978: 59, 60] уже в конце 1970-х гг. было ясно, что надпись иссыкской чаши принадлежит к архаичной форме неведомого письма.

К тому времени, помимо иссыкских граффити, было известно не менее 6 выполненных этим алфавитом надписей. По данным В.А. Лившица, оно было распространено на территориях современных Северного Афганистана, Южного Узбекистана и Южного Таджикистана вплоть до VI–VII вв. н. э. и некогда служило одной из трех официальных письменностей Кушанского царства [Лившиц 1976: 165, 166, прим. 14; 1978: 84–87; ср.: Дьяконов 1979: 224, прим. 73а]. Мне уже приходилось обращать внимание исследователей на эти данные, предоставляя подлинные древнейшие свидетельства применения тюркскими народами рунической письменности [Кызласов 1998а: 71, 72].

Однако, вопреки методическому опыту, накопленному тюркской рунологией за три века, прошедших с 1721 г., и наперекор уже имевшимся конкретным историко-культурным данным, касательным палеографии иссыкской надписи, попытки прочтения ее по-тюркски продолжались в течение всех 50 лет, прошедших со дня ее находки. Они предпринимались многими авторами, подчас высокими

знатоками в области тюркского языкознания. Выделю крупных тюркологов, искренние усилия которых методически закономерно оказались тщетными. В этих поисках с особой ясностью проступает внешне парадоксальный вывод: *для обоснованных прочтений здесь недостаточно глубоких лингвистических познаний, особую роль играет понимание истории культуры того общества, надписи которого привлечены к исследованию* [Ünel 2019: 172–210, историография]. Неудачный исследователь первоисточников, подлинный классик отечественной науки Александр Николаевич Гаркавец несколько раз издал по-русски, казахски и турецки свое прочтение иссыкской надписи [URL: <https://independent.academia.edu/AlexanderGarkavets>]. Увы, эпиграфика степной зоны как той, так и последующей эпохи не знает сосудов с поминальными надписями, совершенными при погребении.

В постижении литературных памятников Средневековья давно и правильно принято изучение жизненного пути автора и исторических условий создания его произведения. Мне трудно понять, отчего этот многократно отточенный в науке подход исключается из рассмотрения столь многоопытными исследователями при их обращении к эпиграфическим памятникам. Отчего высокоцитируемые по своим реальным заслугам тюркологи отступают от этих единственно верных научных приемов, как только дело касается любых руноподобных граффити, будь то иссыкская серебряная чаша или камнеписные енисейские эпитафии. В эпиграфике поиск прочтений даже достоверно читаемых графических систем не может быть свободен от учета исторических реалий и сфер письменной культуры, существовавших в конкретных обществах.

К началу нового века, помимо иссыкской надписи, наука знала уже около 30 образцов этой неизвестной письменности, некогда входившей «в многоалфавитное пространство древней Бактрии» [Вертоградова 2002]. Изучение явления привело Викторину Викторовну Вертоградову к выдвижению новой дисциплины, изучающей роль разных письменных систем в жизни одного общества и тем выявляющей историко-культурную информативность конкретного, пусть и недешифрованного письма. Эта научная область получила весьма удачное наименование *социоскрипторики*. Не имея намерения останавливаться здесь на всех проблемах, связанных с иссыкской надписью, отсылаю читателей к основным трудам Викторины Викторовны из приводимой ею библиографии [Вертоградова 1995; 2002; 2018].

Захватывая 8–10 веков непрерывного развития (общая ныне принятая дата – IV–III вв. до н. э. – V–VI вв. н. э.), приведшего к поэтапному бытованию трех ее алфавитных разновидностей, эта загадочная письменность в Кушанской империи занимала место и во внутренней сакральной практике буддийских монастырей, и в государственной сфере, одно время выступая на равных с двумя иными алфавитными системами – бактрийской и ххароштки. Сам факт использования в обеих указанных областях («скрипторопорождающих центрах») первично чуждого для древней Бактрии письма указывает на его высокий социальный и религиозный авторитет в обществе изначального применения.

Таковые конкретные культурные обстоятельства, выраженные в сосуществовании и социальном соподчинении применявшихся алфавитов, ныне склонили исследовательницу к мнению о кочевнической, юэжжуйской сословной принад-

лежности неизвестного письма – мысли, высказанной Э.В. Ртвеладзе в 1998 г. и соотносимой с историческими и лингвистическими аргументами Ю.Н. Рериха (1963 г.) и Вяч. Вс. Иванова (1967 г.) в пользу вхождения в юэчжийскую общность и в верхи кушанского общества тохарского компонента [Вертоградова 2002]. Полагают, что графические истоки неизвестного письма могут быть арамейскими.

Для методики работы с любыми недешифрованными письменностями исключительно важно установление социальной позиции и культурного контекста окружающих их читаемых письменных памятников, как это было сделано В.В. Вертоградской для поздних образцов «иссыкского алфавита». Его применение встречено как на дву- и трехязыких (двух- и трехалфавитных) государственных памятниках, так и на тех, что были найдены вместе и, следовательно, в идеологическом единстве с индийскими надписями в буддийских монастырях Термеза. Среди последних, в частности, встречена двухалфавитная (неизвестное письмо и кхароштки) надпись votivного содержания².

Ачикташское письмо. Опыт, полученный при изучении надписи на иссыкской чаше, весьма полезен при изучении недешифрованных ачикташских и южноенисейских писмен, немногочисленные ныне памятники которых известны науке лишь в пределах средневекового восточнотюркского мира. Согласно палеографическим характеристикам, они относятся к евроазиатскому классу руноподобных алфавитов и имеют совершенно самостоятельное в отношении Южной Сибири и Центральной Азии западное происхождение, никак не зависящее от орхонского, енисейского или таласского алфавитов [Кызласов 1994: 42–73, 279–318].

В Южном Казахстане и на соседних землях Узбекистана и Кыргызстана таковыми являются поныне загадочные строки, нанесенные ачикташским письмом на специальную палочку для письма (А 1), трижды на глиняные сосуды (А 3, А 4, А 6) и дважды на скалы (А 2, А 5). Археологические даты всех шести памятников, судя по слоям залегания, укладываются в конец VII–VIII и IX–X вв. [Кызласов 1990: 131–141, рис. 36–38, табл. XXI–XXIII; 1994: 56–62, 214–215, 279–284, рис. 7, а, 8, е, табл. XVIII, XIX, XXI–XXIII; 2013а; Смагулов 2009: 208, рис. 4; 2011: 319–321, рис. 79, 80; 2017: 138–143, рис. 58–60; Смагулов, Ержигитова 2009: 227, 228, рис. 1; 2013: 96–99, рис. 11; Рогожинский 2010: 322, 333, рис. 2]. Особо показательно, что наиболее поздняя часть надписей, начертанная на керамических сосудах, как в процессе их использования после изготовления и обжига (рис. 2), так и сразу после формования еще по сырой глине (рис. 3), представляет собой довольно пространные начертания, сделанные в две и три строки, что, несомненно, указывает на грамотность населения, в том числе ремесленников-гончаров, т. е. на широкое и привычное распространение письменной культуры в обществе.

Находки, сделанные в раннесредневековых Саурани (Каратобе) и Ясах (Туркестане, Культобе), значимы и в ином отношении. Они принадлежат к развитой городской культуре IX и X вв., которая в тот период была связана со священным для ислама арабским письмом. Тем не менее, руническая ачикташская письменность продолжала существовать в мусульманизированных присырдарьинских

² Вотивный < votus – лат. ‘посвященный богам’.

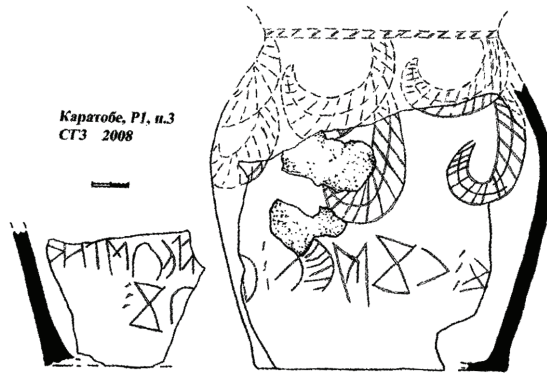

Рис. 2 – Ачикташская надпись на частях сосуда. Реконструкция. Городище Карато́бе (древний г. Сауран). По Е.А. Смагулову.

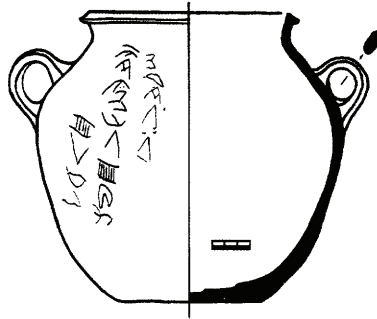

Рис. 3 – Ачикташская надпись на сосуде. Городище Кюльто́бе (древний г. Ясы). По Е.А. Смагулову.

городах не менее столетия после арабского завоевания края, произошедшего в первой половине VIII в. Думается, что это явление объясняется только *длительным предшествующим существованием ачикташских рун и значительным их социальным (и, следовательно, религиозным) авторитетом в местном обществе*. Обнаружение названных письменных памятников – несомненное крупное открытие в изучении прошлого Казахстана и Средней Азии.

В этом отношении ситуация, наблюдаемая на Средней Сырдарье, в общем типологическом плане вполне сопоставима с той, что зафиксирована археологией Среднего Поволжья. В эпоху Хазарского каганата и Волжской Булгарии в этой части Восточной Европы существовало руноподобное кубанское письмо, принадлежащее к той же евроазиатской алфавитной группе, что и ачикташская азбука [Кызласов 1994: 15–78]. Несмотря на предпринятые в последнее время недюжинные усилия, всецело оправданные с лингвистической стороны, из-за неучтенных внеязыковых обстоятельств – как палеографических, так и историко-культурных (социоскрипторных) – эту кубанскую письменность (как и родственную ей донскую) все еще приходится считать недешифрованной.

Сегодня особенно значимо, однако, что кубанское письмо, по крайней мере меж второй третью IX и первой четвертью X вв., имело официальный статус, поскольку применялось при чеканке самобытной серебряной монеты [Кызласов

2012; Кулешов 2013: 41; ср. Кулешов 2009а; 2009б]. Бытовало оно вплоть до XII в., если не до рубежа XII и XIII вв., и так же, как ачикташские руны, продолжало применяться гончарами для сакральных надписей на еще необожженных глиняных сосудах. Высокий социальный статус кубанской письменности проявился в ее применении при производстве особо редкой формы столовой посуды – триподов, предназначенных для торжественных, парадных трапез в городах Волжской Булгарии, мусульманизированных не позднее середины X в. Такие находки, датировка которых ныне уточнена, сделаны при раскопках Биляра – одного из трех крупнейших городов страны домонгольского времени, имевшего одну из самых больших мечетей Восточной Европы [Кочкина 1985: 77–79, рис. 3, 4; Кызласов 1994: 274, 275; 2000: 11–13, рис. 3, 4; 2012: 226, 232]³.

Кроме доказанного палеографического родства ачикташского и кубанского письма, объясняемого общностью происхождения, их объединяет и историко-культурная ситуация: обе эти руноподобные системы в раннем средневековье применялись в тюркоязычных государствах. Новые археологические и эпиграфические материалы, связанные с ачикташской письменностью, позволяют относить ее поздние памятники к огузскому населению [Смагулов 2017: 142; но ср. 2011: 23, 26]. Возможность раннего датирования надписи А 3 (Алтын-асар) оставляет пока вероятность восприятия сырдарьинскими огузами субстратной письменной культуры кангаро-печенежского круга [Кызласов 1994: 215]. Следовательно, и расшифровывать эти письма наиболее вероятно с использованием тюркских языков. Какую лингвистическую группу привлекать в отношении надписей ачикташского алфавита, сказать трудно. В случае с кубанским письмом – это может быть чувашеведение.

Нерасшифрованные надписи Южной Сибири и Монголии

В условиях открытого ландшафта в этом регионе были выделены лаконичные камнеписные надписи, выполненные поныне нерасшифрованным южноенисейским руническим письмом [Кызласов 1988; 1990: 80–128, рис. 19, 20, 22–35, табл. XV–XVIII, XXVII; 1994: 42–56, 65–73, 174, 217–222, 289–318, рис. 3–6, 8, табл. XV–XVII, XXI–XXIII]. Эта новая для науки письменность стала известна по 18 памятникам из 10 местонахождений. С тех пор археологические полевые работы увеличили общее число известных надписей до 28, найденных в 14 пунктах. В пределах Южной Сибири и Центральной Азии оно отмечено на Среднем (Хакасия) и Верхнем Енисее (Тува), на Катунь (Горный Алтай) и в долине Больших озер (Монголия). Палеографические характеристики этого письма указывают на

³ На рунических дирхемах размещены имитации арабских надписей, что в данном случае указывает на социальную подчиненность арабицы кубанскому письму, которым выполнены легенды. Длительное существование кубанской письменности в болгарских столичных центрах противостоит высказанному В.С. Кулешовым хазарскому определению этой монетной чеканки. Геральдические знаки на монетах и седьярском сосуде не совпадают с графикой отметок на известных ныне хазарских подражаниях дирхемам. Для определения верха и низа тамг на рунических монетах материала недостаточно, поэтому их не следует именовать двузубцами и трезубцами.

его родственность среднеазиатскому ачикташскому и восточноевропейским донскому и кубанскому алфавитам Хазарского каганата и Волжской Булгарии.

Несмотря на относительную малочисленность, известные материалы доказывают, что южноенисейские надписи ко времени их появления в IX–X вв. были новы и чужеродны для обитателей Саяно-Алтайского нагорья и Монголии, к тому времени уже не одно столетие практиковавших классические енисейские и орхонские письмена. Повсюду строки южноенисейской письменности вторичны, нанесены на культовые объекты раннего Средневековья, почитавшиеся местным населением: на скальные поверхности с уже имевшимися изображениями (рис. 4), на вертикально установленные камни более ранних курганных захоронений [Кызласов 1994: Ю 11; 2018, Ю 20/1,2], на стенки тюркских поминальных оградок VI–VIII вв. [Горбунов и др. 2015: рис. 11, 12, 21–24, Ю 23] и на стоявшие внутри них стелы [Кызласов 1994: Ю 12, Ю 13, Ю 15 – Ю 17; 1998б].

Для понимания историко-культурного положения этих надписей особую значимость имеет систематическое их соседство с читаемыми граффити енисейского письма. Носители двух разных рунических систем Саяно-Алтая – местной енисейской и пришлой южноенисейской – почитали одни и те же горные и курганные святыни. Смежность южноенисейских и енисейских строк, отмечавшаяся ранее для Сулекской (рис. 4, 5) и Туранской писаниц Хакасии (Ю 1 – Ю 4, Ю 19) [Кызласов 1994: рис. 39; 2007: 110, 111, рис. 1, 3; Миклашевич 2018: 28, 29, рис. 2, 1, 3, 1, 2], теперь также встречена на утесе Бичикту-Боом и на ручье Карбан на Средней Катуни (рис. 6) (наблюдения автора 2001 и 2006 гг.) и на р. Хар-Салаа на Монгольском Алтае (рис. 7) [Кубарев 2009: 163, № 444]. Тем самым, подкреплен вывод об одновременности бытования енисейского и южноенисейского письма, нижний предел которого, вероятно, приходится на IX в.

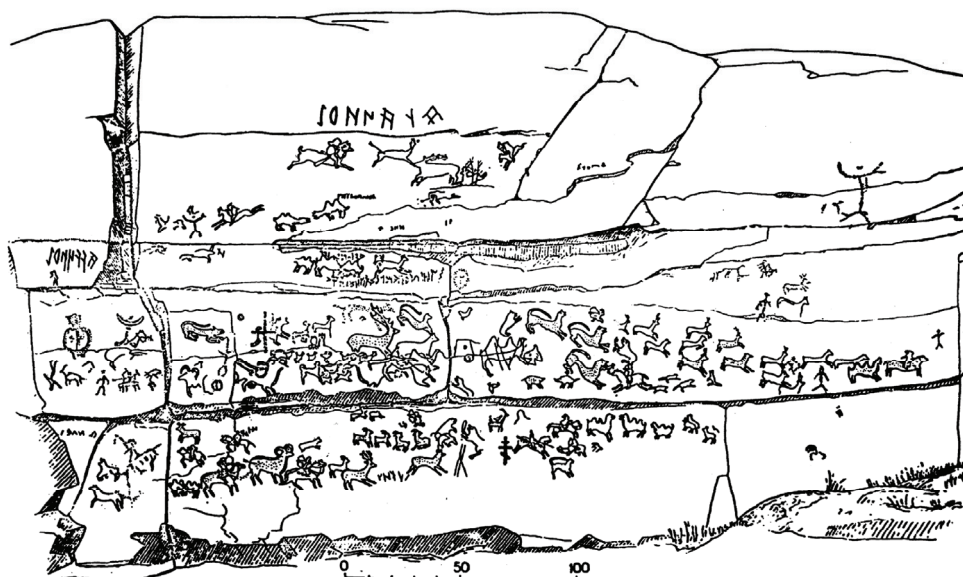

Рис. 4 – Общий вид Сулекской писаницы. 1887 г. Размещение двух енисейских и четырех южноенисейских надписей. По Н. Appelgren-Kivalo.

Рис. 5 – Южноенисейские надписи Ю 3 и Ю 4. Сулекская писаница. 1887 г.
По Н. Appelgren-Kivalo.

Рис. 6 – Соседство южноенисейской (Ю 18) и енисейской надписей.
Скала на р. Карбан. 2006 г. Прорисовка автора

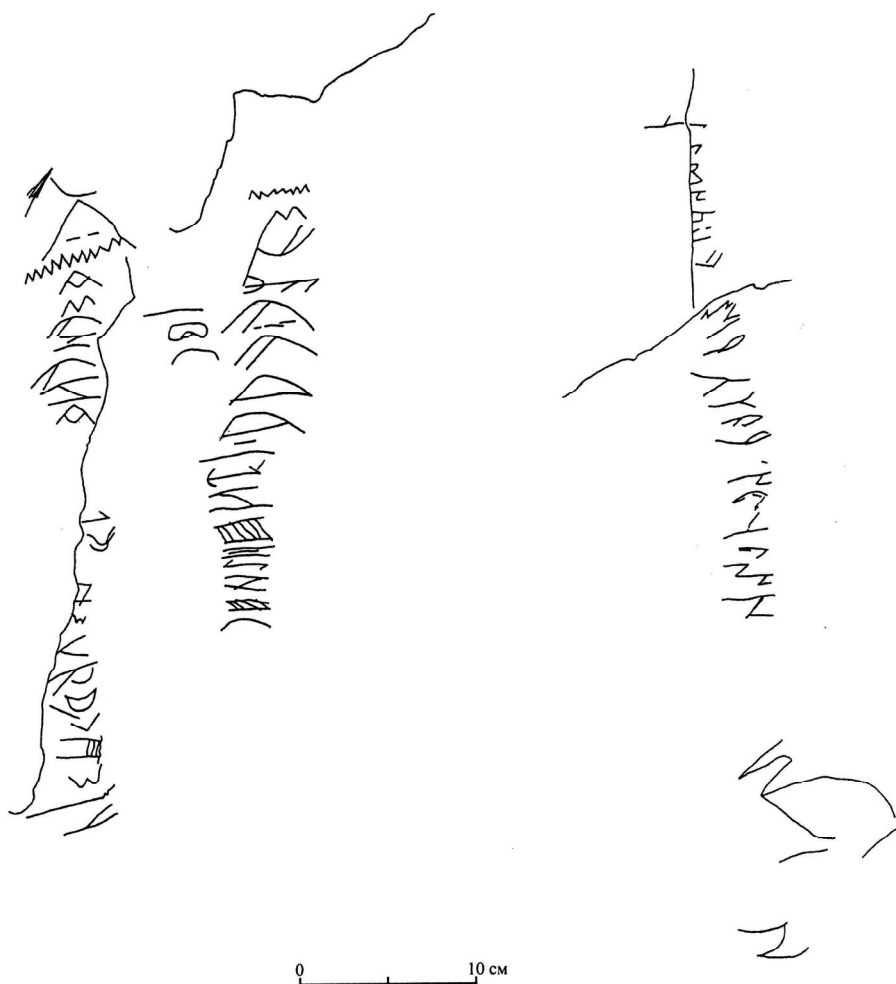

Рис. 7 – Соседство енисейской и четырех южноенисейских надписей (Ю 22/1-4).
Граффити на р. Хар-Салаа. По В.Д. Кубареву.

Наскальные надписи аборигенного енисейского письма носили сакральный характер: содержали молитвы либо отмечали свершившийся акт обращения к богу [Кызласов 2001а; 2001б; 2003; 2014]; скопления таких граффити указали местонахождения монастырей [Кызласов 2004]. Эта письменная культура принадлежала манихейству – из пришлых мировых вероучений лишь оно одно использовало руны в качестве своего религиозного письма. Ранее об этом говорило содержание рунических рукописей Восточного Туркестана [Габен фон 1986: 170, 171 и библиография], ныне – наскальных начертаний Саяно-Алтая и выявленное воздействие орфографических норм манихейского письма на енисейское руническое правописание [Кызласов 1997; 1999а]. При религиозном определении надписей опорой также служат обнаруженные и раскопанные в Хакасии манихейские храмово-монастырские комплексы [Кызласов Л.Р. 1998].

Соседство енисейских и южноенисейских наскальных надписей устанавливает факт существования общих мест нагорных молений местных и пришлых гра-

мотеев. Следовательно, носители южноенисейской письменности также были манихеями. В Туве известна стела с надписью, смешанной в палеографическом отношении: в ее енисейском по алфавиту тексте применены отдельные южноенисейские руны [Кызласов 1994: 51, рис. 5].

На скале Бичикту-Боом (Горный Алтай) мне известно 8 надписей, трехалфавитными начертаниями демонстрирующих равно вершившееся здесь поклонение приверженцев разных письменных традиций: енисейской (6 надписей ее алтайского варианта: ББ I, II/1–2, III, IV, VI), младшей орхонской (ББ V – уйгурского варианта этого письма) и южноенисейской (ББ VII, Ю 21) [Кызласов 2004: 112–118]. Нет сомнения, что здесь стоял монастырь, к которому длительное время сходились паломники нескольких манихейских течений – неслучайно надпись Бичикту-Бом III призывает к миссионерским странствиям [Кызласов 2001б]. Граффито Бичикту-Бом I впервые в сибирской истории называет имя здешней манихейской общины – ᠮᠢᠨᠢᠬᠡᠢᠰᠢᠰᠢ s(e)η(i)r q(a)j(a) (e)bi – «Обитель Выступающей Скалы» [Кызласов 2004: 112–115, рис. 1–3]. Этот монастырь, согласно палеографическим признакам наскальных надписей, возник не ранее последней трети VIII в. и действовал, по крайней мере, по X в.

Все археологические памятники, с которыми связаны южноенисейские надписи (древнехакасские курганы VI – начала IX вв. и тюркские поминальные ограды VI–VIII вв., дополненные ими писаницы VIII в. и предметы погребального инвентаря IX–X вв.) [Кызласов 2018: 29], относятся к восточнотюркским народам. Эти данные позволяют считать нерасшифрованное письмо тюркоязычным. Социальный статус его в сибирской державе был невысок: в противовес енисейскому письму для составления официальных надписей, которыми, в частности, являются эпитафии⁴, этот алфавит не использовали. Область его применения была иная. Памятники рунического письма Южной Сибири и Монголии позволяют обнаружить бытование трех направлений северного, сибирско-тюркского манихейства. Ритуальные особенности орхонской школы определяют пещерные монастыри Восточного Туркестана, енисейской оказались присущи молитвенные горные поклонения [Кызласов 2008: 452–457; 2013в; Kyzlasov 2016], место сложения и характер южноенисейской письменной традиции науке предстоит установить.

Литература

Акишев 1971 – Акишев К.А. Раскопки Иссыкского кургана // Археологические открытия 1970 года. – М.: Наука, 1971. – С. 408. {K.A. Akishev. Excavations of the Issyk barrow // Archaeological discoveries of 1970. – Moscow: Nauka, 1971. – P. 408.}

⁴ Официальный, государственный статус эпитафий енисейского рунического письма, подчиненных самобытным нормам расположения самих стел, размещения на них геральдической лично-фамильной символики и канонически построенного текста показан в сравнении со столь же формальными особенностями мемориальных стел орхонского и верхнеенисейского письма, равно как и надгробной таласской руники на валунах [Кызласов 1994: 208–213, 224–232, рис. 36–38]. Рассмотрены также религиозная природа, церемониальные отличия эпитафийных камнеписных памятников и внешние особенности их протографов [Кызласов 1998в; 2013б].

- Акишев 1978 – *Акишев К.А.* Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. – М.: Искусство, 1978. – 132 с. {*K.A. Akishev. Kurgan Issyk. The art of the Sakas of Kazakhstan.* – Moscow: Iskustvo, 1978. – 132 pp.}
- Вертоградова 1995 – *Вертоградова В.В.* Индийская эпиграфика из Кара-тепе. Проблемы дешифровки и интерпретации. – М.: Вост. лит., 1995. – 160 с. {*V.V. Vertogradova. Indian epigraphy from Kara-Tepe. Decryption and interpretation problems.* – Moscow: Vostochnaya literatura, 1995. – 160 pp.}
- Вертоградова 2002 – *Вертоградова В.В.* Неизвестное письмо в многоалфавитном пространстве древней Бактрии // Петербургский Рериховский сборник. Вып. 5. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2002. – С. 129–148. {*V.V. Vertogradova. Unknown writing in the multi-alphabetic space of ancient Bactria // Petersburg Rerich collection. Issue 5.* – St. Petersburg: Publishing house of St. Petersburg University, 2002. – PP. 129–148.}
- Вертоградова 2018 – *Вертоградова В.В.* Миграции в регионы древней Бактрии с IV в. до н. э. по IV в. н. э. и социокультурная дистрибуция алфавитов (к проблеме социоскрипторики) // От века бронзового до века цифрового: феномен миграции во времени. – Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2018. – С. 237–244. {*V.V. Vertogradova. Migration to the regions of ancient Bactria from the 4th century BC to the 4th century AD and sociocultural distribution of alphabets (to the problem of socioscriptories) // From the Bronze Age to the Digital Age: the phenomenon of migration in time.* – Barnaul: Publishing house of Altai University, 2018. – PP. 237–244.}
- Габен фон 1986 – *А. фон Габен.* Культура письма и печатания у древних тюрков // Зарубежная тюркология. – М.: Наука. Глав. ред. вост. лит., 1986. – Вып. I. – С. 159–190. {*A. von Gabain. The culture of writing and printing of ancient Turkic peoples // Foreign Turkology.* – Moscow: Nauka, 1986. – Issue I. – PP. 159–190.}
- Горбунов и др. 2015 – *Горбунов В.В., Тишкин А.А., Серегин Н.Н., Мухарева А.Н., Мунхбаяр Ч.* Продолжение исследования тюркских оградок на территории Монгольского Алтая // Теория и практика археологических исследований. – 2015. – № 2. – С. 72–89. {*V.V. Gorbunov, A.A. Tishkin, N.N. Seregin, A.N. Mukhareva, Ch. Munkhbayar. Continuing the study of Turkic enclosures in the territory of Mongolian Altai // Theory and practice of archaeological research.* – 2015. – No. 2. – PP. 72–89.}
- Дьяконов 1979 – *Дьяконов И.М.* Комментарии // И. Фридрих. История письма. – М.: Наука. Глав. ред. вост. лит., 1979. – С. 211–229. {*I.M. Dyakonov. Comments // I. Friedrich. History of writing.* – Moscow: Nauka. Glav. red. vost. lit., 1979. – PP. 211–229.}
- Кочкина 1985 – *Кочкина А.Ф.* Рунические надписи на керамике Биляра // Советская тюркология. – 1985. – № 4. – С. 73–80. {*A.F. Kochkina. Runic inscriptions on Bilyar's ceramics // Soviet Turkology.* – 1985. – No. 4. – PP. 73–80.}
- Кубарев 2009а – *Кубарев В.Д.* Петроглифы Шивээт-Хайрхана (Монгольский Алтай). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009а. – 420 с. {*V.D. Kubarev. Petroglyphs of Shiveet-Khairkhan (Mongolian Altai).* – Novosibirsk: Publishing house of the Institute of Archeology and Ethnography SB RAS, 2009. – 420 pp.}
- Кулешов 2009б – *Кулешов В.С.* «Рунический дирхам» из Козьянковского клада // Acta Archaeologica Albaruthenica. – Минск: I.P. Логвинаў, 2009б. – Vol. V. – С. 105–111. {*V.S. Kuleshov. «Runic dirham» from the Koz'yankovskiy hoard // Acta Archaeologica Albaruthenica.* – Minsk: I.P. Logvinov, 2009. – Vol. V. – PP. 105–111.}
- Кулешов 2009 – *Кулешов В.С.* «Рунический дирхам»: новый источник для истории хазарской геральдики? // Семинар «Геральдика – вспомогательная дисциплина». – СПб.: Гос. Эрмитаж, 2009. – 8 с. {*V.S. Kuleshov. «Runic Dirham»: A New Source for the History of Khazar Heraldry? // Seminar «Heraldry is as an auxiliary discipline».* – St. Petersburg: State Hermitage Museum, 2009. – 8 pp.}
- Кулешов 2013 – *Кулешов В.С.* О типологическом и хронологическом соотношении хазарских рунических дирхамов и монет абхазского царства IX в. // Нумизматические чтения 2013 года. Материалы докладов и сообщений. – М.: Триумф принт, 2013. – С. 40–42. {*V.S. Kuleshov. On the typological and chronological relations between the Khazar runic dirhams and the coins of the Abkhazian kingdom of the 9th century // Numismatic Readings 2013. Conference proceedings.* – Moscow: Triumph print, 2013. – PP. 40–42.}
- Кызласов 1988 – *Кызласов И.Л.* Новая руническая письменность Южной Сибири // Археология Горного Алтая. – Горно-Алтайск, 1988. – С. 108–140. {*I.L. Kyzlasov. New runic writing of Southern Siberia // Archeology of Gorny Altai.* – Gorno-Altai, 1988. – PP. 108–140.}

- Кызласов 1990 – *Кызласов И.Л.* Древнетюркская руническая письменность Евразии. Опыт палеографического анализа. – М., 1990. – 179 с. {*I.L. Kyzlasov. Ancient Turkic runic writings of Eurasia. Paleographic analysis. – Moscow, 1990. – 179 pp.*}
- Кызласов 1994 – *Кызласов И.Л.* Рунические письменности евразийских степей. – М.: Наука, 1994. – 327 с. {*I.L. Kyzlasov. Runic scripts of the Eurasian steppes. – Moscow: Nauka, 1994. – 327 pp.*}
- Кызласов 1997 – *Кызласов И.Л.* Разновидности древнетюркской рунической орфографии. Отражение манихейской письменной культуры в памятниках енисейского и орхонского письма // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae.* – Budapest, 1997. – Т. L., fasc. 1–3. – С. 163–184. {*I.L. Kyzlasov. Varieties of ancient Turkic runic spelling. Reflection of the Manichean written culture in the monuments of the Yenisei and Orkhon writing // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. – Budapest, 1997. – T. L., fasc. 1–3. – PP. 163–184.*}
- Кызласов 1998а – *Кызласов И.Л.* Материалы к ранней истории тюрков. II. Древнейшие свидетельства о письменности // *Российская археология.* – 1998а. – № 1. – С. 71–83. {*I.L. Kyzlasov. Materials for the early history of the Turks. II. The oldest evidence of writing // Russian archeology. – 1998. – No. 1. – PP. 71–83.*}
- Кызласов 1998б – *Кызласов И.Л.* Результаты раскопок поминальных оградок могильника Эдегей (Факты вторичного использования древнетюркских оградок VI–VIII вв. в раннем Средневековье) // *Древности Алтая. Известия лаборатории Горно-Алтайского государственного университета.* – Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 1998б. – № 3. – С. 143–165. {*I.L. Kyzlasov. Results of excavation of funeral fencings at the Edegey River (The evidence of reusing Old Turkic fencings of the 6th–8th centuries in the early Middle Ages) // Antiquities of Altai. – News of laboratory of the Gorno-Altaysk State University. – Gorno-Altaysk: GASU Publishing House, 1998. – No. 3. – PP. 143–165.*}
- Кызласов 1998в – *Кызласов И.Л.* Материалы к ранней истории тюрков. III. Древнейшие свидетельства о письменности // *Российская археология.* – 1998в. – № 2. – С. 68–84. {*I.L. Kyzlasov. Materials for the early history of the Turks. III. The oldest evidence of writing // Russian archeology. – 1998. – No. 2. – PP. 68–84.*}
- Кызласов 1999 – *Кызласов И.Л.* Орфографические признаки манихейских рунических надписей // *Вопросы тюркской филологии.* – М., 1999. – Вып. IV. – С. 85–112. {*I.L. Kyzlasov. Spelling signs of Manichean runic inscriptions // Questions of Turkic philology. – Moscow, 1999. – Issue IV. – PP. 85–112.*}
- Кызласов 2000 – *Кызласов И.Л.* Руническая эпиграфика древних болгар. I. Кубанские надписи на двух сосудах // *Татарская археология.* – 2000. – № 1–2. – С. 5–18. {*I.L. Kyzlasov. Runic epigraphy of the ancient Bulgarians. I. Kuban inscriptions on two vessels // Tatarian archeology. – 2000. – No. 1–2. – PP. 5–18.*}
- Кызласов 2001а – *Кызласов И.Л.* Смена мировоззрения в Южной Сибири в раннем Средневековье (Идеи единобожия в енисейских надписях) // *Древние цивилизации Евразии. История и культура.* – М.: Восточная литература РАН, 2001а. – С. 243–270. {*I.L. Kyzlasov. Change of worldview in Southern Siberia in the early Middle Ages (Ideas of monotheism in the Yenisei inscriptions) // Ancient civilizations of Eurasia. History and culture. – Moscow: Vostochnaya literatura of RAS, 2001. – PP. 243–270.*}
- Кызласов 2001б – *Кызласов И.Л.* «Добро сотворив, посеять человечность» (Манихейские миссионеры у вершин Алтая) // *Средневековые древности евразийских степей / Археология восточно-европейской лесостепи.* Вып. 15. – Воронеж: ВГУ, 2001б. – С. 111–129. {*I.L. Kyzlasov. «Doing good, sow humanity» (Manichean missionaries at the Altai peaks) // Medieval antiquities of the Eurasian steppes / Archeology of the Eastern European forest-steppe. Issue 15. – Voronezh: Voronezh State University, 2001. – PP. 111–129.*}
- Кызласов 2003 – *Кызласов И.Л.* Новости тюркской рунологии. Вып. I. Енисейские надписи на горе Ялбак-Таш (Горный Алтай). – М.: Гуманитарий, 2003. – 112 с. {*I.L. Kyzlasov. News of the Turkic runology. Issue I. Yenisei inscriptions on the Yalbak-Tash mountain (Gorny Altai). – Moscow: Humanitarian, 2003. – 112 pp.*}
- Кызласов 2004 – *Кызласов И.Л.* Манихейские монастыри на Горном Алтае // *Древности Востока. Сборник к 80-летию профессора Л.Р. Кызласова.* – М.: Русаки, 2004. – С. 111–129. {*I.L. Kyzlasov. Manichean monasteries in Gorny Altai // Antiquities of the East. Collected articles devoted to the 80th anniversary of professor L.R. Kyzlasov. – Moscow: Rusaki, 2004. – PP. 111–129.*}

- Кызласов 2007 – *Кызласов И.Л.* Рунические надписи горы Туран на Среднем Енисее // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск: АКИН, 2007. – Вып. 5. – С. 106–114. {*I.L. Kyzlasov.* Runic inscriptions of Mount Turan on the Middle Yenissei // Study of the historical and cultural heritage of the peoples of Southern Siberia. – Gorno-Altai: AKIN, 2007. – Issue. 5. – PP. 106–114.}
- Кызласов 2008 – *Кызласов И.Л.* К уяснению исходных позиций изучения и сбережения писаниц // Человек, адаптация, культура. – М.: Институт археологии РАН, 2008. – С. 451–463. {*I.L. Kyzlasov.* To clarify the initial positions of studying and saving scribbles // Man, adaptation, culture. – Moscow: Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, 2008. – PP. 451–463.}
- Кызласов 2012 – *Кызласов И.Л.* Серебряные монеты с легендами кубанского рунического письма // Проблемы археологии Кавказа / Сб. группы по археологии Кавказа ИА РАН. Вып. 1. – М.: Тauc, 2012. – С. 226–246. {*I.L. Kyzlasov.* Silver coins with the legends of the Kuban runic writing // Problems of the archeology of the Caucasus / Collection of the Group on the Archeology of the Caucasus of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences. Issue 1. – Moscow: Taus, 2012. – PP. 226–246.}
- Кызласов 2013а – *Кызласов И.Л.* Характер и значение находок рунических надписей на Сырдарье // Хабарлары / Известия Национальной АН Республики Казахстан. Серия общественных и гуманитарных наук. – Алматы, 2013а. – № 3. – С. 164–173. {*I.L. Kyzlasov.* The nature and significance of the runic inscriptions finds on the Syrdarya River // Khabarlary / News of the National Academy of Sciences of the Kazakhstan Republic. Social sciences and humanities series. – Almaty, 2013. – No. 3. – PP. 164–173.}
- Кызласов 2013б – *Кызласов И.Л.* Религиозная природа енисейской письменности. I. // Российская тюркология. – 2013б. – № 1. – С. 79–90. {*I.L. Kyzlasov.* The religious nature of the Yenissei writing. I. // Russian Turkology. – 2013. – No. 1. – PP. 79–90.}
- Кызласов 2013в – *Кызласов И.Л.* Руническое письмо на скалах: сибирские корни обряда и его распространение в Средней Азии // Культурный трансфер на перекрестках Центральной Азии: до, во время и после Великого Шелкового пути. – Самарканд, 2013в. – С. 116–121. {*I.L. Kyzlasov.* Runic writing on the rocks: Siberian roots of the rite and its distribution in Central Asia // Cultural transfer at the crossroads of Central Asia: before, during and after the Great Silk Road. – Samarkand, 2013. – PP. 116–121.}
- Кызласов 2014 – *Кызласов И.Л.* Религиозная природа енисейской письменности. II. // Российская тюркология. – 2014. – № 1. – С. 52–61. {*I.L. Kyzlasov.* The religious nature of the Yenissei writing. II // Russian Turkology. – 2014. – No. 1. – PP. 52–61.}
- Кызласов 2018 – *Кызласов И.Л.* Надписи на стеле Копёнского чаатаса (Хакасия) // Урало-алтайские исследования. – 2018. – № 1. – С. 23–32. {*I.L. Kyzlasov.* Inscriptions on the stele of the Kopenky chaatas (Khakassia) // Ural-Altai studies. – 2018. – No. 1. – PP. 23–32.}
- Кызласов Л.Р. 1998 – *Кызласов Л.Р.* Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии // Вестник Московского университета. Серия 8. История. – 1998. – № 3. – С. 8–35. {*L.R. Kyzlasov.* Northern Manichaeism and its role in the cultural development of the peoples of Siberia and Central Asia // Bulletin of Moscow University. Series 8. History. – 1998. – No. 3. – PP. 8–35.}
- Лившиц 1976 – Лившиц В.А. Надписи из Дильберджина // Древняя Бактрия. – М.: Наука, 1976. – С. 163–169. {*V.A. Livshits.* Inscriptions from Dilberdzhin // Ancient Bactria. – Moscow: Nauka, 1976. – PP. 163–169.}
- Лившиц 1978 – Лившиц В.А. О происхождении древнетюркской рунической письменности // Советская тюркология. – 1978. – № 4. – С. 84–98. {*V.A. Livshits.* On the origin of ancient Turkic runic writing // Soviet Turkology. – 1978. – No. 4. – PP. 84–98.}
- Миклашевич 2018 – *Миклашевич Е.А.* Наскальные изображения горы Туран на Среднем Енисее // Теория и практика археологических исследований. – 2018. – № 1. – С. 24–39. {*E.A. Miklashevich.* Rock carvings of Mount Turan on the Middle Yenisei // Theory and practice of archaeological research. – 2018. – No. 1. – PP. 24–39.}
- Рогожинский 2010 – *Рогожинский А.Е.* Новые находки памятников древнетюркской эпиграфики и монументального искусства на юге и востоке Казахстана // Роль кочевников в формировании культурного наследия Казахстана. – Алматы: Принт-5, 2010. – С. 329–344. {*A.E. Rogozhinskiy.* New finds of monuments of ancient Turkic epigraphy and monumental art in the south and east of

- Kazakhstan // The role of nomads in the formation of the cultural heritage of Kazakhstan. – Almaty: Print-S, 2010. – PP. 329–344.}
- Смагулов 2009 – Смагулов Е.А. Продолжение исследований стратиграфии Древнего Саурана // Отчет об археологических исследованиях в 2008 году по государственной программе «Культурное наследование». – Алматы: [б.и.], 2009. – С. 204–209. {E.A. Smagulov. Continuation of studies of the stratigraphy of Ancient Sauran // Report on archaeological research in 2008 under the state program «Cultural inheritance». – Almaty, 2009. – PP. 204–209.}
- Смагулов 2011 – Смагулов Е.А. Древний Сауран. – Алматы: АБДИ Компани, 2011. – 436 с. {E.A. Smagulov. Ancient Sauran. – Almaty: ABDI Company, 2011. – 436 pp.}
- Смагулов 2017 – Смагулов Е.А. Древний Туркестан: штрихи к историческому портрету. – Алматы, 2017. – 314 с. {E.A. Smagulov. Ancient Turkestan: strokes for a historical portrait. – Almaty, 2017. – 314 pp.}
- Смагулов, Ержигитова 2009 – Смагулов Е.А., Ержигитова А.А. Исследования древнего Саурана // Хабарлары / Известия Национальной АН Республики Казахстан. Серия общественных и гуманитарных наук. – Алматы, 2009. – № 1. – С. 226–243. {E.A. Smagulov, A.A. Erzhigitova. Studies of the ancient Sauran // Khabarlary / News of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. Social sciences and humanities series. – Almaty, 2009. – No. 1. – PP. 226–243.}
- Смагулов, Ержигитова 2013 – Смагулов Е.А., Ержигитова А.А. Цитадель древнего Туркестана: некоторые итоги археологического изучения. 2011–2012 гг. // Хабарлары / Известия Национальной АН Республики Казахстан. Серия общественных и гуманитарных наук. – Алматы, 2013. – № 3. – С. 82–100. {E.A. Smagulov, A.A. Erzhigitova. The citadel of ancient Turkestan: some results of an archaeological study. 2011–2012 // Khabarlary / News of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. Social sciences and humanities series. – Almaty, 2013. – No. 3. – PP. 82–100.}
- Appelgen-Kivalo H. Alt-Altäische Kunstdenkmäler. – Helsingfors: K. F. Puromies Buchdruckerei A.-G., 1931. – 119 S.
- Kyzlasov 2016 – I. Kyzlasov. Inscriptions rupestres runiques. De la Sibérie à l'Asie centrale et au Kazakhstan // Asie centrale. Transferts culturels le long de la route de la soie. – Paris: Vendémiaire, 2016. – PP. 301–307.
- Ünel 2019 – Ünel O. The Issyk and Khanum Inscriptions Revisited // Ural-altaische Jahrbücher. Neue Folge. – 2019. – T. 27. – PP. 172–210.

UPON THE ISSUE OF UNDECRYPTED WRITINGS

I.L. Kyzlasov

Moscow

*In memory of Erbulat Akizhanovich Smagulov (1952–2019),
a great scientist, a person of a bright soul and a strong spirit*

Summary: Among the rune-like inscriptions of Eurasia, there are four still undeciphered writing systems that still continue to be of interest of turkologists: the first is represented by an ancient inscription on a bowl from the Issyk burial mound (Kazakhstan), the second – by six medieval inscriptions of the Achiktash alphabet in the cities of the Middle Syrdarya river (Kazakhstan) and in the neighboring lands of Uzbekistan and Kyrgyzstan, the third – related to them in the appearance of characters in the South Yenisei script of South Siberia and Mongolia. The possibilities of studying undeciphered writing in a multi-alphabetic space arise in the light of sociocryptics created by V.V. Vertogradova. The time of existence, social status and religious affiliation of such unreadable writing systems of the Middle Ages are established primarily by defining the places where the inscriptions were made and their proximity to the readable writings.

Key words: undeciphered writings, Issyk writing, Achiktash writing, South Yenisei writing, world religions.

Kyzlasov Igor Leonidovich – Prof. Doctor in history, Leading Researcher at Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences; e-mail: kyzlasovil@mail.ru.